

На правах рукописи

Королькова Полина Владимировна

**МОДИФИКАЦИИ ЖАНРА АВТОРСКОЙ СКАЗКИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья

(европейская и американская литература)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2011

Диссертация выполнена на кафедре Славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор

Ковтун Елена Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
руководитель Центра истории славянских литератур

Будагова Людмила Норайровна

Институт Славяноведения РАН

кандидат филологических наук

Холиков Алексей Александрович

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

кафедра теории литературы

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет

Защита диссертации состоится «28» октября 2011 года в _16_ часов на заседании Диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, филологический факультет, 1-й учебный корпус, ауд. № 970

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «_12_» сентября 2011 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

кандидат филологических наук,

доцент

А.В. Сергеев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации анализируется современное состояние чешской авторской (литературной) сказки, выявляется ее содержательная и художественная специфика, изучаются новейшие жанровые модификации. Главными объектами исследования становятся области «ядра» и «периферии» жанра авторской сказки, важнейшим аспектом анализа – выяснение функциональности отдельных элементов ее художественного мира, а также принципов взаимодействия сказки с другими жанрами и областями литературы.

Авторская сказка в Чехии, как и в других странах, на протяжении двух столетий продолжает оставаться популярным и востребованным жанром, активно функционирующим не только в области детской литературы, но и в рамках литературы для взрослого читателя. Вместе с тем сегодня она переживает глубокие изменения: на сказку оказывает существенное влияние трансформация жанровой парадигмы новейшей литературы, общий всплеск интереса к необычному, в том числе связанный с распространением философии и эстетики постмодернизма, расцвет в последние десятилетия фантастики (особенно фэнтези), взаимодействие изящной словесности с иными видами искусства (прежде всего кинематографом), компьютерными технологиями и прочими реалиями современной технической эры. Даже за рамками сказочного жанра наблюдается устойчивая тенденция к воспроизведению и разнообразнейшему переосмыслению сказочных образов и мотивов современным мифологическим, сатирическим, фантастическим, утопическим и т.п. повествованием.

В области изучения чешской авторской сказки прежде всего в самой Чехии сделано немало. Намечены основные тенденции развития и этапы истории жанра¹; проанализированы сказки Карела Чапека, Яна Вериха, Иржи Магена,

¹ Наиболее полно в работах: Šmahelová H. *Návraty a proměny: Literární adaptace lidových pohádek.* – Praha, 1989; Sirovátka O. *Česká pohádka a pověst v lidové tradici a dětské literatuře.* – Brno, 1998; Vařejková V. *Česká autorská pohádka.* – Brno, 1998; *Česká autorská pohádka 60. let // Ladění.* 1999. Roč. 4 (9). № 1; Toman J. *Česká autorská pohádka devadesatých let 20. století //*

Йозефа Лады, Яна Дрды и других писателей²; подвергся осмыслению процесс включения фольклорных жанров в область детской литературы, в том числе место в ней авторской сказки³.

В российском литературоведении раскрытие аналогичной проблематики связано с разысканиями в области теории авторской сказки, изучением обстоятельств возникновения данного жанра и способов его взаимодействия с народной сказкой, своеобразия его художественного мира, наконец, его истории в России и других странах⁴.

Итак, данную сферу научных исследований следует признать актуальной и активно развивающейся. Однако до сих пор нельзя говорить о законченном целостном освещении путей развития чешской авторской сказки и процессов ее взаимодействия с другими литературными жанрами. Предлагаемый нами

Cesty současné literatury pro děti a mládež: tradičnost – inovace. – Brno, 2003; Novakova L. Proměny české pohádky: (K historii žánru ve čtyřicátých letech dvacátého století). – Brno, 2009.

² См. напр. Vařejková V. Pohádky Karla Čapka. – Brno, 1994; Toman J. Světový pohádkový odkaz českého spisovatele Karla Čapka // In Nostos. – Afiny, 2001; Pohádkove Fimfarum Jana Wericha. – Brno, 1995; Vařejková V. Pohádky Jiřího Mahena. – Brno, 1996; Tetiva V. Josef Lada. Pohádkový svět. – Praha, 1997; Hlaváček L. Josef Lada. – Praha, 1986; Formanek V. Josef Lada. – Praha, 1981; Voráček J. „České pohádky“ J. Drdy a jejich vztah k lidové tradici // Acta Universitatis Carolinae /uspoř. V. Barnet, J. Bělič, F. Burianek, J. Dolansky, K. Horalek a Z. Urban/. Philologica 3. Slavica Pragensia III. 1961; Melicherčík A. České pohádky Jana Drdy // Slovenske pohľady. 1958. Roč. 74. № 7–8.

³ См. напр. Stejskal V. Moderní česká literatura pro děti. – Praha, 1962; Chaloupka O., Voráček J. Kontury české literatury pro děti a mládež. – Praha, 1979; Voráček J. O současné české literatuře pro děti a mládež. – Praha, 1984; Genčiová M. Literatura pro děti a mladez. – Praha, 1984; Čestí spisovatelé literatury pro děti a mládež. – Praha, 1985; Chaloupka O. O literatuře pro děti. – Praha, 1989; Toman J. Současná česká literatura pro děti a mládež. – Brno, 2000; Proměny literatury pro mladez – vstup do noveho tisíciletí. – Brno, 2001; Cesty současné literatury pro děti a mládež: tradičnost – inovace. – Brno, 2003; Dotyky české a slovenské literatury pro děti a mládež. – Brno, 2004; Urbanova S. a kol. Sedm klíčů k otevření literatury pro děti a mládež 90. let XX. století. – Olomouc, 2004; Čeňková J. a kol. Vývoj literatury pro děti a mládež a její žánrové struktury. – Praha, 2006; Nováková L. Literatura pro děti a mládež na přelomu tisíciletí / Nové pohledy na českou literaturu. – Brno, 2007.

⁴ Брауде Л.Ю. Сказники Скандинавии. – Л., 1974; Леонова Т.Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. (Поэтическая система жанра в ее историческом развитии). – Томск, 1982; Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки / На материале русской литературы 1920–1980-х гг. – Свердловск, 1992; Кривошапова Т.В. Русская литературная сказка конца 19 – начала 20 века. – Акомола, 1995; Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика. – М., 2003; Куприянова Е.С. Литературные сказки Оскара Уайльда и сказочно-мифологическая поэтика романа «Портрет Дориана Грея». – Великий Новгород, 2007; Брауде Л.Ю. По волшебным тропам Андерсена. – СПб, 2008 и др.

аспект темы – активные процессы в области «ядра» и «периферии» современной сказки – ранее почти не привлекал внимания отечественных и зарубежных литературоведов. Мы также рассматриваем авторскую сказку не только как неотъемлемую часть детской литературы (так поступает обычно большинство чешских исследователей), но и как художественную форму, используя которую, автор может обращаться к читателям всех возрастов.

Мы полагаем, что изучение – с учетом двухвековых традиций чешской фольклористической и авторской сказки – современного состояния жанра, его модификаций, особенностей взаимодействия с другими жанрами важно для понимания современной литературы в целом, интересов и запросов читателя рубежа XX–XXI веков, национального менталитета чехов. Сегодня, в эпоху глобализации, активное обращение чешских писателей и читателей к сказке и иным мотивам и образам фольклора по-прежнему (как и в XIX столетии), во многом определяется, на наш взгляд, потребностью этноса в сохранении национальной идентичности, в демонстрации миру своеобразия чешской литературной и фольклорной традиции.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования определяется как важной ролью сказки в современной художественной словесности и национальной ментальности чехов, так и весомым авторитетом сказковедения в отечественной и зарубежной науке о литературе.

Научная новизна работы заключается в исследовании основных тенденций развития чешской литературной сказки после 1989 года, наиболее ярко проявившихся в творчестве М. Кубатовой, Яна Тойфеля, А. Микулки, М. Прохазковой, М. Пекарковой и В. Бродского, И. Салаквардовой, О. Палоунека, Г. Легечковой, З.К. Слабого, Д. Фишеровой, Я. Сыпала, И. Пехи, В. Эрбена, И. Черницкого, З. Сверака, М. Вивега, М. Райнера, П. Шрута и некоторых других современных писателей; анализе различных модификаций жанра авторской сказки в современной чешской литературе (в области «ядра» и «периферии» жанра; в детской литературе и в литературе для взрослого читателя), а также в постановке проблемы комплексного изучения

авторской сказки как «в чистом виде» (вне жанрового синтеза), так и во взаимодействии на современном этапе развития с литературными формами легенды, предания, былички, бывальщины, притчи, а также с фэнтези и несказочной (не содержащей «явного» вымысла) прозой. Кроме того, новизна исследования состоит в уточнении сказковедческой терминологии (соотношение фольклористической и литературной, в том числе фольклоризованной, сказки) и отдельных фактов, процессов и тенденций, связанных с эволюцией чешской авторской сказки (своеобразие «антисказки» и сказки с философско-притчевым началом; роль «Девяти сказок» К. Чапека в развитии жанра и др.).

Новизна исследования для российской литературоведческой богемистики заключается также в обзорном обобщении (на основе специальных работ чешских исследователей) традиций и основных тенденций развития жанра фольклористической и литературной сказки в Чехии с XIX до начала XXI веков; включении в данный контекст наряду с крупнейшими собирателями и авторами сказок (К.Я. Эбенем, Б. Немцовой, К. Чапеком, М. Майеровой, Й. Ладой, И. Волькером, Яном Верихом) практически неизвестных в России писателей XIX–XX столетий (Б.М. Кулды, К. Полачека, Яна Карафиата, Э. Красногорской, Яна Дрды, В. Чtvrтека, О. Сироватки, И. Марека, Л. Ашкенази и некоторых других) с интерпретацией их роли в общем процессе развития литературной сказки.

В качестве **объекта исследования** нами избраны сказочные произведения представителей современной чешской литературы, творчество которых наиболее заметно демонстрирует новейшие содержательные и художественные изменения жанра авторской сказки⁵. Это не только писатели «младшего»

⁵ Это «Сказки перед сном» (Pohádky před spaním, 2007) Зузаны Поспишиловой; «Привидения из Краконошова» (Bubáci z Krakonosova, 1995) Марии Кубатовой; «Чертовы сказки» (Čertovské pohádky, 1993) Вилема Шмидта (псевдоним – Ян Тойфель); «Об олене с пулеметом и другие рассказы и сказки для туристов, золотоискателей, следопытов, путешественников и любителей пионерских костров» (O jelenovi s kulometem a jiné zkazky a pohádky pro trampy, zlatokopy, stopaře, cestovatele a milovníky táboráků, 1996) Алоиса Микулки; «О Красной шапочке» (O červené Karkulce, 2008) Марии Прохазковой; «Враки для собаки» (Na mou duši do psich usí, 1999) Милены Пекарковой и Властимила Бродского; «Сказки с серебряных гор» (Pohádky ze stříbrných hor, 1996) Иржины Салаквардовой;

поколения, вступившего в литературу после 1989 года, но и авторы, начавшие издаваться в более ранний период (анализируются прежде всего их тексты, вышедшие в 1990–2000-х годах). В их числе как ведущие, так и менее известные писатели, в произведениях которых элементы сказочной поэтики являются системообразующим фактором.

Специфика и разнообразие способов переосмысления фольклорно-сказочных традиций в творчестве данных писателей определили **предмет** и **аспект** исследования. В избранных для анализа художественных текстах рассматриваются: сюжетно-композиционная структура, мотивы, система персонажей (и функции отдельных героев), особенности пространственно-временного континуума, а также языка и стиля. Кроме того, для нас важно присутствие в авторских сказках нравственного императива («жанровой ситуации») фольклорной волшебной сказки, а также игровой семантики, которую порождает двойственность повествовательной структуры, противопоставление точки зрения рассказчика и слушателя (чудесные события воспринимаются как вымысел) точке зрения героя (волшебство как неотъемлемое свойство реальности). Именно эти элементы поэтики авторской сказки определяют ее жанровую специфику и вступают в диалог с фольклорной традицией, без учета которого невозможна интерпретация современного сказочного произведения, адекватное восприятие замысла писателя.

В основу **методологии** исследования легли принципы и концепции отечественной структурно-семиотической школы. При обращении к структурным принципам фольклорной волшебной сказки мы ориентировались на труды

«Двоесказки» (Dvojrohádky, 2006) Оты Палоунка; «К черту!» (K čertu! 2007) Гелены Легечковой; «Неоконченные сказки» (Nedokončené pohádky, 2007) Зденека Карела Слабого; «Сказки из деревни Ветряного» (Pohádky z Větrné Lhoty, 2008) Даниэлы Фишеровой; «Сказки из сказочного городка» (Pohádky z pohádkového města, 2009) Яромира Сыпала; «Словарь нечистой силы» (Lexikon strasidel, 2007) Иржи Пехи; «О нечистой силе» (O strasidlech, 2002) Вацлава Эрбена; «О Сасанке» (O Sasnce, 2004) Иржи Черницкого; «Папочка, эта тебе и вправду удалась» (Tatinku, ta se ti povedla, 1991) Зденека Сверака; «Короткие сказки для усталых родителей» (Krátké pohádky pro unavené rodiče, 2007) Михала Вивега; «Три папы и мама» (Tři tatínci a maminka, 2010) М. Вивега, Мартина Райнера и Павла Шруга и некоторые другие тексты.

В.Я. Проппа, а также на работы Е.М. Мелетинского, Е.С. Новик, С.Ю. Неклюдова, Б.П. Кербелите и др.

Теория фольклористической сказки заимствована нами главным образом из трудов Л.Ю. Брауде. При анализе поэтики литературной сказки и обстоятельств ее возникновения из фольклорной сказки мы основывались на исследованиях М.Н. Липовецкого, Е.М. Неелова, С.Г. Лазутина, И.П. Лупановой, В.А. Бахтиной, Д.Н. Медриша, Т.Г. Леоновой, Т.В. Кривошаповой, Е.С. Куприяновой, Г.А. Комлевой, И.С. Чернявской и иных российских специалистов. В ряде случаев нами приняты во внимание позиции зарубежных исследователей фольклорной и авторской сказки (М. Люти, В. Клотца, В. Менкеберга, Л. Рериха, И. Шнеебергер, С. Томпсона, З. Клатика, А. Пинтарич), а также чешских литературоведов (О. Сироватки, Г. Шмагеловой, К. Горалека, О. Халоупки, В. Становского, Яна Червенки, Л. Новаковой, С. Урбановой, Я. Ченьковой, В. Стейскала, Й. Ворачека, Я. Томана, М. Генчиовой и др.).

При рассмотрении принципов взаимодействия литературной сказки с легендой, преданием, быличкой, бывальщиной мы обращались к работам С.Н. Азбелева, В.П. Аникина, Н.А. Криничной, К.В. Чистова, Ю.М. Шеваренковой, И.А. Разумовой, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой, В.П. Зиновьева и др. При постановке проблемы разграничения авторской сказки и фэнтези – к статьям и монографиям Т.А. Чернышевой, Е.М. Неелова, Е.Н. Ковтун, Л.В. Овчинниковой.

Значение базовых для исследования терминов формулируется нами следующим образом.

Модификации – основные разновидности (варианты) современной авторской сказки: фольклоризованная сказка, «антисказка», философская сказка-притча и др.

Литературная (авторская) сказка – художественное произведение, в котором аксиологически ориентированная картина мира фольклорной волшебной сказки лежит в основе сюжета и образует структурно-семантический

каркас повествования, воспринимаемый читателем через систему *носителей «памяти жанра»* (ситуация волшебных испытаний, отдельные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей, интонационно-речевой строй либо отдельные тропы, стилистические клише и т.п.). Обязательными носителями «памяти жанра» являются игровая семантика и устойчивый нравственный императив (*жанровая ситуация* фольклорной волшебной сказки).

Литературная сказка представляет собой прежде всего произведение *авторское*, поэтика которого – в том числе и вводимые в текст элементы народной сказки – подчинена воле и художественным задачам писателя. Разновидность авторской сказки, имеющая целью сохранение (запись) и популяризацию фольклорного канона, именуется в работе сказкой *фольклористической*.

Литературную сказку, ориентированную на воспроизведение фольклорного канона, однако, в отличие от фольклористической, призванную не сохранить и популяризировать его, но решить определенную авторскую задачу (как правило, сегодня подобные произведения предназначены для детей и носят дидактически-развлекательный характер), мы предлагаем называть *фольклоризованной сказкой*.

Разновидность литературной сказки, последовательно и существенно переосмысляющей художественный мир народной сказки (помещение в современную реальность, пародирование, доведение до абсурда, буквальное «выворачивание наизнанку»), мы предлагаем именовать *«антисказкой»*.

«Ядро» жанра – область проявления системных жанровых элементов. «Ядро» авторской сказки формируют тексты, в которых максимально выражены признаки, характеризующие ее жанровую специфику («суть») и отсутствует активное взаимодействие с иными жанровыми структурами.

«Периферия» жанра – область проявления жанровых признаков, отличающихся неустойчивостью, нерегулярностью. «Периферию» образует комплекс текстов, находящихся на пересечении сказки с другими жанрами.

При этом черты других жанров не просто присутствуют в них, но оказывают заметное влияние на их поэтику.

В настоящем исследовании мы трактуем литературную сказку не как фольклорно обусловленную литературную форму, вид литературы, который может выражать различное жанровое содержание, то есть быть по жанровому содержанию романом, повестью, мифом, героическим преданием и т.д., но как жанр, по форме приближающийся к рассказу. Мы также рассматриваем модификации современной сказки, «очищенные» от добавления иных изобразительно-выразительных форм (драматической, поэтической), что позволяет нам более четко выявить тенденции ее развития.

Цель диссертационного исследования – показать содержательную и художественную специфику современной чешской авторской сказки в контексте национальной традиции фольклорной, фольклористической и литературной сказки предшествующих эпох; выявить важнейшие способы и функции авторского переосмысления канонов народной волшебной сказки; выделить области жанрового «ядра» и «периферии» авторской сказки и проследить за изменениями, проходящими в них.

Для достижения намеченной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

- уточнить терминологию, связанную с изучением литературной сказки, в том числе с исследованием «ядра» и «периферии» данного жанра (понятия «фольклорная волшебная сказка», «фольклористическая сказка», «литературная (авторская) сказка», «фольклоризованная сказка», «антисказка», «детская литература», «“ядро” жанра», «“периферия” жанра», «пространственно-временной континуум», «функции сказочных персонажей» и т.п.), а также типологию сказки;
- на основе специальных работ чешских и российских исследователей охарактеризовать основные этапы истории и закономерности развития чешской литературной сказки от ее истоков (XIX век) до конца XX столетия;
- проанализировать сюжетно-композиционную структуру, мотивы,

систему персонажей и их функции, особенности пространственно-временной организации, а также своеобразие языка и стиля сказочных произведений М. Кубатовой, Яна Тойфеля, А. Микулки, М. Прохазковой, М. Пекарковой и В. Бродского, И. Салаквардовой, О. Палоунека, Г. Легечковой, З.К. Слабого, Д. Фишеровой, Я. Сыпала, И. Пехи, В. Эрбена, И. Черницкого, З. Сверака, М. Вивега, М. Райнера, П. Шрута и некоторых других современных писателей, с тем чтобы выделить основные тенденции развития современной чешской авторской сказки и основные модификации в области «ядра» и «периферии» данного жанра;

- исследовать причины, функции, закономерности и способы переосмысления канонов фольклорной волшебной сказки в области «ядра» и «периферии» жанра в детской литературе и в литературе для взрослого читателя;

- в произведениях, образующих «периферию» жанра, выявить основные способы взаимодействия структурных принципов литературной сказки и легенды, предания, былички, бывальщины, притчи и фэнтези, а также проанализировать основные принципы сказочной поэтики в рамках несказочного повествования;

- определить роль и значение сказочного творчества указанных писателей в чешском литературном процессе конца XX – начала XXI веков.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов и результатов в вузовских курсах истории чешской литературы, при разработке спецкурсов, посвященных чешской авторской сказке и чешской литературе после 1989 года, а также при более широких исследованиях российской и зарубежной авторской сказки XIX–XX веков.

Теоретическая значимость диссертации определяется опытом комплексного изучения модификаций жанра авторской сказки в области «ядра» и «периферии» на конкретном литературном материале (современная чешская литература).

Апробация основных положений и результатов исследования проходила в форме докладов на российских и международных научных конференциях: «Славянский мир в ментальном измерении: стратегии развития – национальные и межнациональные проекты» (ПермГУ, Пермь 2007), конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2008» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва 2008), «Ценностные категории славянской культуры: категория времени» (ИнСлав РАН, Москва 2008), «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва 2009), «XIV Международный симпозиум славистов» (Хорватское филологическое общество Риека, Хорватия, Опатия 2009), «Золотые деньки 12. Жизнь и творчество Вишни Стахуляк» (Университет Й.Ю. Штроссмайера в Осиеке, Хорватия, Осиек 2010), «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. (История культуры славян в оценках молодежи)» (ГАСК, ИнСлав РАН, Москва 2010), «Литературный фактор в культурном пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже XX–XXI вв.» (ИнСлав РАН, Москва 2010), «XII международная встреча молодых славистов Slavica iuvenum» (Остравский университет, философский факультет, Чехия, Острава 2011); они также нашли отражение в публикациях, список которых приводится в конце автореферата.

Структура и композиция диссертации обусловлены поставленными задачами и избранной методологией. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается выбор темы, объекта и аспекта исследования, поясняется его методология; характеризуется степень изученности чешской фольклористической и авторской сказки XIX–XX веков, в том числе после 1989 года; формулируется значение основных терминов, актуальность и

новизна работы, определяются ее цель и задачи, практическое и теоретическое значение.

Первая глава «Теоретические аспекты изучения литературной сказки» начинается с рассмотрения художественного мира и особенностей бытования фольклорной волшебной сказки, без анализа которых невозможно изучение авторской сказки, хранящей «память жанра» сказки народной. В **первом параграфе**, опираясь на исследования отечественных ученых⁶, мы характеризуем совокупность черт данного жанра: фантастический элемент, связанный с персонификацией сил природы первобытным сознанием, жесткую сюжетную схему (герой – молодой человек – прежде чем вступить в брак преодолевает испытания, соприкасаясь с волшебными силами), особый пространственно-временной континуум (пространство абстрактно, для рассказчика совершенно не важно, где происходит действие сказки, от этого не зависит поведение героев; оно делится на «свой мир», «условно-географический медиатор» и «чужое царство»; событийное время сказки («давным-давно») не фиксировано на хронологической шкале, существует только в момент действия и замкнуто в рамках отдельной ситуации; внутреннее время («тридцать лет и три года»), обозначенное устойчивыми формулами, характеризуется весьма конкретно, причем продолжительность «паузы» выражается при помощи сакраментальных чисел; промежуточное время («долго ли, коротко ли») имеет значение не столько само по себе, сколько играет роль медиатора, семантического переключателя, и в данном случае продолжительность его подчеркнута неопределенна; относительное повествовательное время («скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается») чаще всего выражается конструкциями, которые примыкают к формулам неопределенной длительности времени, и характеризуется такими чертами, как длительность, неопределенность, открытость, полная ориентация на слушателей).

⁶ Прежде всего В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Д.С. Лихачева, В.П. Аникина, Н.И. Кравцова, И.П. Лупановой, В.А. Бахтиной, Т.В. Зуевой и др.

В числе важных характеристик фольклорной волшебной сказки – наличие определенных персонажей; причем каждый из семи типов действующих лиц (антагонист-вредитель, даритель, помощник, царевна или ее отец, отправитель, герой, ложный герой) ограничен узким кругом действий, то есть одной или несколькими функциями (отлучка, запрет и нарушение запрета, вредительство (или недостача), отправка, получение волшебного средства и т.д.). Герои сказки – внутренне статичные образы-схемы, их появление предсказуемо, характеры неизменны, а поступки для современного читателя не имеют ни бытовой, ни социальной, ни (тем более!) психологической мотивации. Именно поэтому фольклорная сказка «в чистом виде» (дословных записях) воспринимается современным читателем с трудом: со времен ее возникновения значительно изменились представления о морали, возможном и невозможном, серьезном и забавном и т.п. Многие в фольклорной сказке кажутся теперь странным, нелогичным, наивным; не осознается ныне и сама основа сказки – обряд.

Важной для нашего исследования является гипотеза, утверждающая, что фольклорная волшебная сказка изначально создавалась и воспринималась как вымысел (рождение сказки как художественного произведения произошло, когда религиозно-магическое содержание обряда и мифа превратилось в поэтическую формулу), что обусловило особую игровую семантику жанра, выраженную главным образом в сказочных зачинах и концовках. В свою очередь своеобразие композиции фольклорной сказки определяется наличием «сюжетно необходимых действий» (функций) персонажей, восходящих к различным обрядовым практикам, среди которых особое место занимает обряд посвящения. Большую роль в сюжете играют представления о загробном мире, о путешествиях в иной мир.

«Предок» фольклорной сказки – обряд – нравственно индифферентен. Однако за многие века бытования жанра на него оказывала влияние эволюционирующая мораль социумов различного типа. Для Европы последних двух тысячелетий наиболее существенным оказалось воздействие христианской

мифологии и системы духовных ценностей. В результате постепенно сложился столь знакомый слушателям и читателям «нравственный императив» сказки, в соответствии с которым добро всегда побеждает зло и высокие душевные качества героя-протагониста (а отнюдь не магическая осведомленность) становятся залогом его (и всеобщего) счастья.

Выделение элементов художественного мира фольклорной волшебной сказки, имеющих жанроопределяющий характер, позволило нам выявить своеобразие поэтики фольклористической сказки, ставшей связующим звеном между сказкой народной и авторской. **Второй параграф** главы 1 начинается с уточнения содержания понятия «фольклористическая сказка». Данный термин, предложенной отечественной исследовательницей скандинавской литературной сказки Л.Ю. Брауде, представляется удачным – ведь первые собиратели и издатели фольклорной сказки одновременно являлись первыми учеными-фольклористами, вырабатывавшими методику собирания и записи фольклора. Для такой записи почти всегда характерна некоторая степень литературной авторской или редакторской обработки с целью сглаживания стилистических неровностей, удаления сцен насилия, грубой эротики и т.п. Однако издателям фольклористической сказки (Ш. Перро, И.К.А. Музеус, М. Халлагер, братья Гримм и др.) свойственно стремление прежде всего не переосмыслить и переработать, но сохранить, зафиксировать в письменной форме сюжет сказки, передать ее дух, лишь слегка «улучшив» ее, чтобы она стала понятнее для современного им читателя.

Фольклористическая сказка стала первой ступенью на пути от фольклорной сказки к сказке авторской, при этом ступенью чрезвычайно важной, поскольку именно она смогла выступить посредником между ними. При создании литературной сказки европейские, в том числе чешские писатели, как правило, опирались на сюжеты, изданные собирателями фольклора, а не на сказку в ее устной народной форме. В сознании же современного читателя фольклористическая сказка и вовсе отождествляется с фольклорной.

В фольклористической сказке, таким образом, авторская воля ее собирателя и редактора изначально редуцирована. Вот почему в качестве жанрообразующих элементов она сохраняет максимальную условность художественного времени и пространства, противопоставление «своего» и «чужого» миров, строгое закрепление функций персонажей, четкий нравственный императив и разграничение «плохих» и «хороших» героев, а также традиционные сказочные сюжеты и мотивы. Все эти особенности характерны для текстов, которые составляют «ядро» жанра как фольклорной, так и фольклористической сказки.

В **третьем параграфе** главы 1 содержится характеристика особенностей художественного мира литературной сказки. Нами в целом принята концепция «памяти жанра», обоснованная М.Н. Липовецким. В соответствии с ней любая авторская сказка обязательно вступает в диалог с фольклорно-сказочной традицией, которая может сознательно или бессознательно воспроизводиться и/или переосмысляться на разных уровнях текста. Основываясь на данной концепции, мы постулируем термины «фольклоризованная сказка» (тенденции к выделению родственного понятия можно проследить в работах чешских исследователей⁷) и «антисказка»⁸, важные для понимания путей развития чешской авторской сказки в конце XIX–XX веков и необходимые для описания современного состояния жанра.

Вслед за М.Н. Липовецким мы подразделяем носителей «памяти жанра» на факультативные (элементы сказочной поэтики, создающие волшебносказочную «жанровую атмосферу»: сюжетно-композиционная структура, мотивы, система персонажей и их функции, особенности пространственно-временного континуума, устойчивые сказочные формулы) и обязательные (нравственный императив и игровая семантика сказки), отсутствие которых

⁷ Напр. М. Генчиовой и Г. Шмагеловой: Genčiová M. Literatura pro děti a mládež. – Praha, 1984; Šmahelová H. Návraty a proměny: Literární adaptace lidových pohádek. – Praha, 1989.

⁸ Термин используется в трудах И. Шнеебергер, А. Пинтарич, Г. Шмагеловой, М. Генчиовой: Schneeberger I. Das Kunstmärchen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. – München, 1960; Pintarić A. Umjetničke bajke – teorija, pregled i interpretacije. – Osijek, 2008; Šmahelová H. Návraty a proměny: Literární adaptace lidových pohádek. – Praha, 1989; Genčiová M. Literatura pro děti a mládež. – Praha, 1984.

приводит к утрате «памяти жанра». Не содержащее их произведение перестает соотноситься с жанровой традицией, хорошо знакомой любому представителю того или иного культурного сообщества по большому корпусу текстов, в которых этот канон находит последовательное воплощение (чаще всего это именно фольклористическая сказка). Итак, литературная сказка (в узком понимании – в отличие от сказочного текста, имеющего «записывателя» или «редактора») определена нами как произведение прежде всего оригинально-авторское (поэтика подчинена художественным задачам писателя), но обязательно содержащее игровую семантику и устойчивый нравственный императив (жанровая ситуация фольклорной волшебной сказки) – основные носители волшебно-сказочной «памяти жанра».

Фольклористическую сказку мы предлагаем отличать от литературной не по степени сохранности фольклорно-сказочного канона (как это по умолчанию делает большинство исследователей – а тем более читателей), но прежде всего по тем задачам, которые их создатели ставят перед собой: воспроизведение и популяризация сюжета в первом случае и подчинение текста авторскому замыслу во втором. Кроме того, в качестве особой разновидности современного сказочного повествования мы предлагаем выделить фольклоризованную сказку – предназначенную для детей, стилизованную под фольклорный образец и ориентированную на более или менее полное воспроизведение народно-сказочного сюжета. В области «ядра» жанра чешская фольклоризованная сказка противопоставлена нами «антисказке», последовательно переосмысляющей сказочный канон и получившей широкое распространение в творчестве Карела Чапека, Йозефа Лады, Яна Дрды, Яна Вериха, Иржи Марека и других чешских писателей XX столетия.

В числе важных аспектов изучения авторской сказки в диссертации выделяется исследование адресации текста: его ориентированность на ребенка или взрослого читателя. Детскую аудиторию сказка покоряет уникальным сочетанием развлекательного, познавательного и воспитательного эффектов; литературная сказка для взрослых привлекает необычностью (ведь она

априори воспринимается в рамках шкалы «детских жанров»), оригинальностью художественного вымысла (волшебство как сущностная характеристика бытия), скрытой иронией и игрой смыслов.

Постановка проблемы выявления и классификации различных модификаций жанра авторской сказки в современной чешской литературе предваряется обращением во **второй главе диссертации «Основные этапы и тенденции развития чешской литературной сказки»** к истории чешской фольклористической и литературной сказки и характеристикой – с учетом работ чешских исследователей⁹ – основных тенденций их развития от эпохи Национального возрождения (первая половина XIX столетия) до сегодняшнего дня.

В первом параграфе мы обратились к эволюции чешской фольклористической сказки XIX–XX веков, особенностям становления и «затухания» жанра. Параграф содержит общую характеристику наиболее значимых произведений, относящихся к жанру фольклористической сказки. Рассмотрев сказочное творчество Б. Немцовой, К.Я. Эрбена, Б.М. Кулды, Й.Ш. Кубина и других писателей, мы выяснили, что границы между фольклористической и авторской сказкой (прежде всего такой ее разновидностью, как фольклоризованная сказка) конца XIX – начала XX века далеко не всегда можно провести строго. Переход от одной жанровой разновидности к другой можно проследить порой не только в творчестве одного автора, но даже в одном сказочном сборнике К.Я. Эрбена, Б. Немцовой, С. Подлипской и др.

Таким образом, можно говорить о следующих наметившихся на рубеже XIX–XX веков процессах в области жанрового «ядра» и «периферии» литературной сказки: постепенном включении фольклористической сказки, воспроизводящей содержание и поэтику фольклорного текста, в основное русло литературного процесса, прежде всего в сферу детской литературы; осознании сказки как самостоятельного жанра, способного предложить читателю особую ценностную модель мира. Данные процессы привели к возникновению в чешской литературе собственно авторской сказки, а также к последующему

⁹ В частности Г. Шмагеловой, Я. Томана, Л. Новаковой, Я. Ченьковой, В. Варжейковой и др.

вытеснению из художественной словесности сказки фольклористической, функции которой постепенно перенимает фольклоризованная сказка.

Во **втором параграфе** главы 2, посвященном эволюции чешской авторской сказки в конце XIX–XX веков, прослеживается переход к сказке литературной через фольклоризованную сказку, а также судьба фольклористической сказки в XX столетии; ставится проблема модификаций жанра литературной сказки после 1989 года.

Дополняя и уточняя периодизацию истории жанра, XIX век мы определяем как время публикаций и первых литературных обработок фольклорных сюжетов (появление фольклоризованной сказки), XX век – как эпоху становления «антисказки», философской сказки-притчи, а также разнообразных переосмыслений фольклорно-сказочного канона, в том числе в родственных сказке жанровых формах. При этом нами характеризуется – наряду с произведениями классиков национальной литературы (К.Я. Эрбен, Б. Немцова) – сказочное творчество ряда авторов, до сих пор не попадавших в поле зрения российских исследователей (Б.М. Кулда, Й.Ш. Кубин, С. Подлипская, Ян Карафиат, В. Ржига, И. Горак и др.). Наибольшее внимание уделяется эпохе, длящейся с конца XIX до середины XX столетия, – времени формирования авторской сказки (в узком понимании) и определения в творчестве К. Чапека, Й. Лады, Я. Вериха путей последующего развития жанра, и кроме того – времени наивысших художественных достижений в данной области.

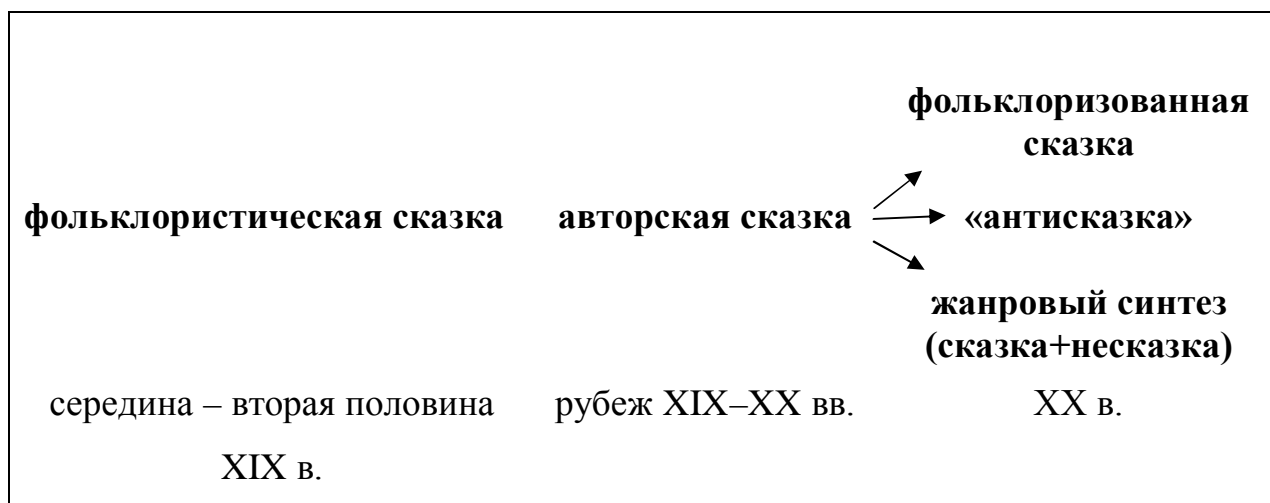
В периодизации истории литературной сказки мы в основном опираемся на принятое большинством чешских исследователей (Г. Шмагеловой, Л. Новаковой, Я. Ченьковой, В. Варжейковой и др.) разграничение стадий «классической адаптации» народно-сказочных сюжетов (фольклористическая сказка), их «авторской адаптации» (фольклоризованная сказка) и, наконец, авторской сказки как таковой (оригинальный литературный текст). Однако, учитывая недостаточную проработанность подобной классификации, а также сочетание в творчестве многих чешских писателей XIX–XX веков признаков различных стадий, мы предпочли в ряде случаев отказаться от четкого «стади-

ального» членения авторов и в большей степени обратить внимание на пути развития жанра, которые намечает их сказочное творчество и которые ныне реализуются в чешской литературе (формирование фольклоризованной сказки, традиции «антисказки», сказки с элементами притчи, обращенной к читателям различных возрастов и т.п.).

Для сказочных сборников чешских писателей середины XIX – начала XX века характерна различная степень литературной обработки фольклорного материала, а также различное понимание задач сказочного произведения (сохранение фольклорного канона или применение ценностных установок сказки в области художественной литературы). В данный период обработке (от простейшего редактирования до весьма значимого изменения) подвергаются в основном сюжеты и мотивы народной сказки (отказ от элементов насилия, эротики, создание нового сюжета из устойчивых фольклорных сюжетных компонентов), а также ее стилистика (впрочем, оставаясь в целом в русле фольклорного канона). Базовые же принципы поэтики народной сказки – композиция, система персонажей и их функции, пространственно-временной континуум, нравственный императив – в данный период не переосмысляются.

Со второй четверти XX столетия авторская сказка в чешской литературе устойчиво развивается главным образом в двух формах: фольклоризованная сказка, воспроизводящая канон фольклорной сказки с опорой на фольклористические записи (в рамках детской литературы), и сказка, переосмысляющая художественный мир фольклорных образцов («антисказка» К. Чапека, Й. Лады, Яна Вериха и др.). В области последней появляются интересные примеры авторской сказки для взрослого читателя (политической, сатирической). Однако специфическим для чешской литературы оказывается сочетание «детского» и «взрослого» (философско-притчевого) плана, размывание границы между ними (основоположником данной традиции стал К. Чапек, автор «Девяти сказок»).

Схематично эволюцию чешской сказочной прозы XIX–XX веков можно представить следующим образом:

Рассмотрев художественный мир произведений чешских сказочников XX столетия, мы пришли к заключению, что прошлый век можно считать более или менее единым периодом истории национальной литературно-сказочной традиции. Вторая мировая война и главенство соцреалистического метода после 1948 года не стали определяющими для функционирования жанра авторской сказки факторами. В то же время по сравнению с XIX веком XX столетие определяется как принципиально новый этап развития жанра, когда литературная сказка все дальше уходит от своей фольклорной предшественницы, но сохраняет (в виде фольклоризованной сказки для детей) достоинства фольклористической сказки – в результате «память жанра» вплоть до сегодняшнего дня остается живой и актуальной. Последнее подтверждают многочисленные переиздания произведений «классиков» чешской фольклористической сказки, а также интерес современного чешского читателя к фольклористической и фольклоризованной сказке разных народов мира.

Проанализированный в главе 2 художественный материал позволяет сделать вывод, что еще на ранних этапах существования фольклористической и авторской сказки были заложены традиции, которые стали магистральными в сказочной прозе писателей не только прошлого века, но и рубежа XX–XXI столетий. Анализу «ядра» и «периферии» жанра авторской сказки 1990-х – 2000-х годов посвящены третья и четвертая главы работы.

В третьей главе «Современные модификации чешской литературной сказки: область “ядра” жанра» на примере произведений современных

чешских писателей, принадлежащих к различным поколениям (М. Кубатовой, Яна Тойфеля, А. Микулки, З.К. Слабого, И. Салаквардовой, М. Пекарковой и В. Бродского и др.), показано своеобразие художественного мира современной чешской литературной сказки, выделены основные принципы переосмысления фольклорно-сказочного канона в одних сказочных текстах и причины его сохранения в других.

Первый параграф посвящен общим закономерностям развития современной чешской авторской сказки, к которым мы относим параллельное существование как текстов, в которых разнообразные переосмысления фольклорно-сказочного канона выступают на первый план, так и текстов, в которых следование канону (с учетом богатой традиции чешской фольклористической сказки) в целом заслоняет отклонения от него и в которых задача писателя заключается не в литературной игре, но в воспроизведении основных принципов сказки с использованием оригинального сюжета, персонажей, декораций и т.д. Однако, анализируя ситуацию на современном чешском книжном рынке, мы приходим к заключению, что если на протяжении XX столетия чешские авторы создают более или менее удачные подражания знаменитым текстам Эрбена, Немцовой, Кулды, то ныне фольклоризованные сказки постепенно уступают место текстам, созданным в русле «чапековской традиции». Впрочем, в области детской литературы «подражания» по-прежнему занимают важное место; пополняют данную область также переводы фольклорных и фольклористических сказок иных народов, которые до 1989 года не делались или не издавались.

В основном принимая классификацию современного исследователя чешской литературной сказки Я. Томана, предлагающего выделять имитационно-инновационный (*imitativně-inovační*), нонсенсно-пародийный (*nonsensově-parodicky*) и имагинативный (*imaginativní*) подходы, в соответствии с которыми писатели выбирают либо следование традиции авторских переосмыслений народной сказки (применительно к чешской литературе – традиции К. Чапека и Й. Лады), либо создание сказки в традициях нонсенса и пародии, либо

примыкание к традиции «взрослой» философской сказки Андерсена и Уайльда (через призму сказочного творчества Чапека, в котором сочетаются два смысловых уровня – «детский» и «взрослый»), мы все же вынуждены сделать определенные оговорки. Анализ текстов побуждает нас говорить о выделенных Я. Томаном подходах как о тенденциях, общих закономерностях и векторах развития литературной сказки, но не как об окончательно сложившихся разновидностях жанра. В одном и том же произведении или сборнике мы зачастую находим сочетание двух («Сказки с серебряных гор» И. Салаквардовой) или даже всех трех подходов (например, в текстах А. Микулки, В. Эрбена, З.К. Слабого и многих других писателей).

Мы проследили, как данные тенденции воплощаются в отдельных аспектах сказочной поэтики: в параграфах 2–5 проанализировали сюжетно-композиционную структуру, мотивы, систему персонажей и их функции, специфику пространственно-временного континуума, и особенности языка и стиля современных чешских сказок, выявили причины сочетания указанных подходов.

Особенности сюжетно-композиционной организации и мотивов современной чешской авторской сказки анализируются во **втором параграфе** на примере сказочных сборников З. Поспишиловой, М. Кубатовой, А. Микулки, М. Пекарковой и В. Бродского, И. Салаквардовой, О. Палоунека.

На основе анализа нами сделан вывод о том, что в современной чешской литературной сказке присутствуют как примеры разнообразных переосмыслений сюжетно-композиционной структуры и мотивов фольклорной сказки – начиная с частичной редакции данных элементов при их воспроизведении (актуализация «памяти жанра») и заканчивая выходом за границы жанра в рамках традиций нонсенса – так и примеры полного следования канону. Однако анализ следования фольклорно-сказочному канону в сборнике «Об олене с пулеметом и другие рассказы и сказки для туристов, золотоискателей, следопытов, путешественников и любителей пионерских костров» А. Микулки и сказке «О Красной Шапочке» М. Прохазковой приводит нас к выводу об

обязательном включении подобного произведения в общий смысловой контекст сборника (задача Микулки заключается в том, чтобы предложить читателю все варианты обращения с волшебно-сказочным каноном) или во внелитературный контекст (книга Прохазковой неотделима от кинофильма «Кто станет бояться волка»: именно она становится любимой книгой главной героини фильма – девочки Терезки, а картинки, созданные Прохазковой, «оживают» в отдельных мультипликационных вставках).

Масштаб переосмысления «канона» в области сюжетно-композиционной организации и мотивов не зависит от того, кому адресован текст – взрослому читателю или ребенку. Если для авторской сказки XX века можно говорить о сравнительно небольшом количестве текстов, предназначенных обеим возрастным группам, то в современной Чехии их число существенно возрастает за счет более активного использования возможностей сказочного жанра: философского подтекста, интертекстуальных аллюзий, принципов литературной игры и т.д.

Третий параграф главы 3 посвящен рассмотрению системы персонажей и их устойчивых функций на примере сказочных текстов Г. Легечковой, Яна Тойфеля, М. Пекарковой и В. Бродского, З.К. Слабого – с привлечением материала предшествующих периодов развития фольклористической и авторской сказки (сказочных текстов К.Я. Эрбена, К. Чапека, Й. Лады).

Система персонажей (и их функции) представляет собой часть художественного мира фольклорной сказки, которая наряду с сюжетно-композиционной схемой чаще всего подвергается авторскому переосмыслению – вероятно, потому, что является не только одним из наиболее устойчивых, но и самым узнаваемым элементом сказочной поэтики. Именно поэтому переосмысления воскрешают в памяти читателя не только систему персонажей фольклорной предшественницы, но и весь фольклорно-сказочный канон.

В диссертации показано, что в современной чешской авторской сказке действуют как минимум два принципа организации системы персонажей. Писатели либо предлагают по-новому взглянуть на традиционных героев

(водяного, черта, принцессу, дракона и т.д.), либо выводят в качестве главного действующего лица сказки необычный персонаж: Лимон, Черепаху, Сороконожку («Неоконченные сказки» З.К. Слабого), Часы («Сказки часовщика» В. Пинты) или даже Лихорадку и Мыльный пузырь («Враки для собаки» М. Пекарковой и В. Бродского). Анализ способов реализации каждого из данных принципов позволяет утверждать: с одной стороны, современная авторская сказка унаследовала традиции чешской «антисказки», с другой – наблюдается тенденция к циклизации, созданию сложных многоплановых образов, способных заинтересовать современного читателя.

В числе важнейших содержательных особенностей сборников современных чешских авторов хорошо просматривается следующая: отдельные тексты обретают «сказочное» звучание лишь в контексте цикла и вне его рамок едва ли воспринимались бы как сказки. Это свидетельствует о размывании границ жанра и постепенной утрате современной сказкой устойчивых и узнаваемых элементов поэтики, изначально пришедших в нее из сказки фольклорной. В сборниках могут сочетаться различные принципы и масштабы переосмысления системы персонажей и функций героев.

Четвертый параграф посвящен анализу специфики пространственно-временной организации сказочных произведений современных чешских писателей. Рассмотрены и сопоставлены пространство и время в сказках Я. Тойфеля, Г. Легечковой, О. Палоунека, Д. Фишеровой, Я. Сыпала, З. Поспишиловой, М. Кубатовой, А. Микулки, З.К. Слабого, М. Пекарковой и В. Бродского. Как показал анализ, пространственно-временная схема может оставаться в рамках фольклорного канона или изменяться по сравнению с народной сказкой вне зависимости от степени переосмысления других элементов поэтики произведения. Связь данных элементов, конечно, прослеживается на уровне общего замысла, однако она утрачивает характер взаимной зависимости.

Представляется необходимым подчеркнуть, что переосмысления связаны в основном с перенесением действия сказочного произведения в современ-

ность, указанием легко узнаваемых примет времени, разрушением и модификацией «своего мира», «условно-географического медиатора» и «чужого царства», что связано с разрушением традиционной системы персонажей народной сказки – в частности, с отсутствием противопоставления положительных героев антагонистам и вредителям. В этом отношении современная чешская сказка наследует и развивает традиции литературной сказки Чапека, Лады и их последователей.

С одной стороны, сделанный нами вывод говорит об отсутствии специфики в области пространственно-временной организации чешской литературной сказки на современном этапе ее развития. Однако, если принять во внимание изменения в мотивах и сюжетно-композиционной сфере, в системе персонажей, а также общие тенденции развития жанра (стремление к циклизации, наличие широчайшей палитры вариантов обращения с фольклорным канонem и традициями «антисказки»), станет ясным, что особенности пространственно-временного континуума следует рассматривать лишь в тесном взаимодействии с иными аспектами сказочной поэтики – в качестве одного из элементов, с помощью которого авторы последовательно отсылают читателя к богатейшей двухвековой традиции чешской литературной сказки.

В пятом параграфе главы 3 мы обратились к особенностям языка и стиля, в которых также находят выражение выявленные нами тенденции развития современной чешской литературной сказки. Обращает на себя внимание стремление авторов к вступлению в активный диалог с читателем (причем не только ребенком, но и взрослым). Данный принцип по-разному реализуется в языке и стиле произведения. Он может выражаться в использовании фольклорно-сказочных формул (в их исходном или трансформированном виде), в виде языковой игры, которая встречается практически во всех исследуемых текстах, имитации спонтанного устного рассказа, риторических обращений к читателю и даже включения читателя в процесс творчества, что мы показали на примере сборника З.К. Слабого «Неоконченные сказки», где маленькому

читателю предлагается придумать свой вариант окончания сказки и сопоставить его с финалом, предлагаемым писателем.

Итак, проведенный в главе 3 анализ носителей «памяти жанра» в области жанрового «ядра» позволил прийти к следующим выводам относительно современных тенденций развития чешской литературной сказки.

1. Фольклоризованная сказка постепенно уступает место литературной сказке, переосмысляющей фольклорный канон («антисказке»), или смещается в сторону «жанровой периферии», взаимодействуя с такими жанрами, как притча (И. Салаквардова), легенда и предание (М. Кубатова) и др., стараясь выйти за рамки детской литературы. Однако в рассмотренных текстах все же сохраняются основные носители фольклорно-сказочной «памяти жанра», а взаимодействие с иными жанрами проявляется исключительно в элементах поэтики, являющихся факультативными. Таким образом, данные произведения остаются в области «ядра» жанра – значительно расширяя ее и формируя у читателя новые представления о современной авторской сказке, в которой сюжетные мотивы, пространственно-временная структура, персонажи и их функции и т.п. могут быть организованы в соответствии с принципами иных жанров.

2. Авторская сказка в современной Чехии функционирует главным образом как один из основных жанров литературы для детей, что во многом определяет его специфику: сохранение нравственного императива фольклорной сказки и отказ от мотивов насилия и жестокости (которые с момента появления фольклористической и фольклоризованной сказки перестают восприниматься как естественная часть фольклорно-сказочной поэтики); наличие развлекательного, познавательного, а также более или менее выраженного дидактического элемента. Авторская сказка для взрослых в чешской литературе до сих пор практически не сложилась «в чистом виде». Чаще наблюдается взаимодействие «детского» и «взрослого» смысловых уровней текста или сборника текстов, что является отличительным признаком чешской авторской сказки XX – начала XXI века.

3. Наиболее значимыми в содержательном и художественном плане произведениями, составляющими «ядро» жанра современной чешской авторской сказки, остаются тексты, в которых не только на всех структурных уровнях обыгрываются принципы фольклорно-сказочной поэтики, но и происходит естественное включение в художественный мир сказки элементов иных жанров. Данные тексты предназначены как для ребенка, так и для взрослого читателя и чаще всего представляют собой сборники авторских сказок (А. Микулки, Яна Тойфеля, З.К. Слабого, И. Салаквардовой и др.), в которых сочетаются принципы фольклоризованной сказки, «антисказки», нонсенса, активно используются гротеск, гипербола, парадокс, мистификация, языковая игра, неожиданные ассоциации, а также отдельные (факультативные) мотивы и образы, заимствованные из легенды, предания, былички, фэнтези, притчи и т.п. При этом диалог с фольклорно-сказочной традицией и традицией чешской фольклористической и авторской сказки XIX–XX веков возникает не на уровне отдельных текстов, но на уровне сборника в целом и зачастую далеко не все произведения цикла можно назвать сказками: в рамках цикла может происходить сначала воссоздание, а затем разрушение фольклорно-сказочной традиции. Тем самым подтверждается гипотеза М. Липовецкого о том, что наряду с глубинными, сущностными чертами сказочной поэтики (жанровая ситуация фольклорной волшебной сказки, игровая семантика повествовательной структуры) в авторской сказке непременно присутствуют более явные формально-узнаваемые элементы (отдельные мотивы, система образов, сказочные персонажи и их устойчивые функции, интонационно-речевой строй или отдельные тропы, стилистические клише и т.д.); их набор подвижен, однако достаточно лишь одного-двух, чтобы активизировалась «память жанра» и читатель без труда распознал сказку в весьма современном и сложном по замыслу тексте.

Художественная специфика произведений, составляющих «жанровую периферию» современной чешской литературной сказки, рассмотрена в **четвертой главе «Современные модификации чешской литературной**

сказки: область “жанровой периферии”» на примере текстов И. Пехи, З.К. Слабого, М. Пекарковой и В. Бродского, Яна Тойфеля (взаимодействие с легендой, преданием, бывальщиной), В. Эрбена (взаимодействие с фэнтези и быличкой), И. Черницкого (взаимодействие с притчей), З. Сверака, М. Вивега, М. Райнера, П. Шрута (взаимодействие с несказочной прозой).

При рассмотрении особенностей взаимодействия сказки с иными жанрами мы сознательно оставляем в стороне вопрос о проникновении отдельных элементов сказки (как фольклорной, так и литературной) в структуру современного утопического, фантастического, мифологического и т.п. романа (рассказа, повести). Данная тема в силу своей широты требует многих самостоятельных исследований. Нас же интересует обратный процесс: включение элементов иных жанровых структур (легенды, предания, былички и бывальщины, притчи, фэнтези) в поэтику авторской сказки – и, как следствие этого процесса, – проблема сохранения ее жанровой целостности на нынешнем этапе развития.

В первом параграфе мы обратились к принципам взаимодействия авторской сказки с легендой, преданием, быличкой и бывальщиной, которые выделяются нами на основе анализа сказок Яна Тойфеля, М. Пекарковой и В. Бродского, а также более подробного рассмотрения сборника «Словарь нечистой силы» И. Пехи, в котором сочетаются элементы бывальщины, легенды и сказочного повествования различного типа (фольклоризованной сказки и «антисказки»). Каждый раздел-новелла, посвященный определенному виду нечистой силы – от Василиска до Упыря – в книге И. Пехи содержит детальную характеристику того или иного сверхъестественного существа с описанием его нрава, места обитания, поведения, «рабочего» времени, страстей, средств защиты от него и охраны данного вида нечистой силы в современном мире (рубрики «внешний вид», «местообитание», «рабочее время», «увлечения» и т.д.). Чешский писатель переосмысляет основную функцию фольклорных жанров предания, легенды, былички и бывальщины – познавательную; ставит их в один ряд с изначально ориентированной на

вымысел сказкой, основная функция которой во все времена была прежде всего эстетической. На наш взгляд, это один из самых интересных примеров «жанровой периферии» современной чешской литературной сказки. «Энциклопедичность», присутствующая в первой части каждой новеллы, резко контрастирует с лирическими, шутливыми, а порой драматическими и даже трагическими интонациями второй части, в результате чего внимание читателя не ослабевает на протяжении чтения книги, весьма немалой по объему.

По итогам анализа сделан вывод о том, что взаимодействие принципов сказки и жанров фольклорной несказочной прозы (легенды, предания, былички, бывальщины) находит выражение как на уровне отдельных элементов (заимствование), так и на уровне глубинного взаимопроникновения базовых жанровых принципов. Пространственная и временная конкретика, изначально возникшая вследствие переосмысления фольклорно-сказочного канона («антисказка»), в сочетании с появлением все большего количества переосмыслений в художественной структуре жанра заставляет многие сказочные тексты перемещаться в область «жанровой периферии». Подобная тенденция является весьма устойчивой в современной чешской литературной сказке.

Во **втором параграфе** мы обращаемся к принципам и функциональности взаимодействия авторской сказки и фэнтези, а также к нелегкой для разрешения проблеме разграничения данных литературных феноменов. Это разграничение осложняется наличием большого числа переходных и пограничных форм (от сказки к фэнтези и наоборот), а также тем, что «прародители» сказки и фэнтези ныне вступают с ними в активное взаимодействие (в том числе в русле поэтики постмодернизма). Наметить пути выявления базовых содержательных и художественных различий между сказкой и фэнтези мы пытаемся с помощью сопоставительного анализа сказочных текстов из сборника В. Эрбена «О нечистой силе» и фантастических новелл с волшебносказочными элементами современного польского писателя А. Сапковского (в современной чешской литературе, к сожалению, аналогичных ярких примеров нам обнаружить не удалось).

Проанализировав мотивы и сюжетно-композиционную структуру, систему персонажей (и их функции), особенности пространственно-временной организации, а также язык и стиль произведений В. Эрбена, мы пришли к выводу, что они воспринимаются читателем не в качестве пародии на фэнтези, но в русле традиции «антисказки» К. Чапека и Й. Лады в силу того, что на современном этапе развития чешской авторской сказки уже сформирована в том числе и «память жанра» «антисказки», которая наряду с фольклорно-сказочной «памятью жанра» оказывает существенное влияние не только на художественный мир сказочных произведений современных чешских писателей, но и на особенности восприятия читателем данных текстов.

В результате же анализа новелл «Последнее желание» и «Меч предназначения» А. Сапковского – одного из самых популярных современных славянских авторов фэнтези – мы приходим к заключению, что хотя в них и содержатся (и отчетливо осознаются читателем) сказочные элементы – носители фольклорно-сказочной «памяти жанра», Сапковский интерпретирует сказочный сюжет именно в русле основных содержательных установок данного типа фантастики. В результате актуализации «сказочного пласта» фантастический текст многократно усложняется по смыслу, его воздействие на читателя значительно возрастает.

Третий параграф главы 4 посвящен переосмыслению авторской сказкой художественных принципов притчи. Мы предлагаем разграничивать литературные сказки, в которых одна или несколько фраз придают тексту философское звучание (этот вид современной чешской литературной сказки был рассмотрен нами в третьей главе, поскольку относится к области «ядра жанра»), и произведения, в которых автор создает характерную именно для притчи философско-метафорическую модель мироздания. Одним из ярких примеров последних является, на наш взгляд, книга «О Сасанке» – литературный дебют известного современного чешского художника и скульптора И. Черницкого, которая анализируется в данном параграфе.

В произведении И. Черницкого на разных уровнях художественной структуры взаимодействуют элементы фольклорной сказки и притчи, обогащенные мифологической образностью (воспринимаемой, впрочем, как часть «сказочного пласта» текста). Их присутствие имеет системообразующий характер и определяет специфику текста, жанр которого следует охарактеризовать как «сказка-притча». Данная модификация жанра авторской сказки в целом не характерна для современной чешской литературы (как, впрочем, и для предшествующего этапа ее развития). Ее место занимает традиция сказки с отдельными философскими мотивами, предназначенной одновременно для ребенка и для взрослого читателя.

В **четвертом параграфе** мы обращаемся к рассмотрению функциональности синтеза сказки и несказочной прозы на материале книг «Папочка, эта тебе и вправду удалась» З. Сверака, «Коротких сказок для усталых родителей» М. Вивега и «Три папы и мама» М. Вивега, Р. Райнера и П. Шрута. Анализ данных текстов приводит нас к выводу о том, что на «периферии» жанра, при взаимодействии современной литературной сказки с несказочным повествованием прослеживаются две основные тенденции: во-первых, сказка как жанр с характерным набором (системой) признаков может становиться составной частью несказочного литературного произведения; во-вторых, несказочный сюжет может предлагаться читателю в категориях сказочной поэтики, обретая вследствие этого новый смысл: «сказкой» становится прозаический и лишенный волшебного начала мир взрослых.

Если в первом случае «память жанра» активно функционирует, то во втором случае она может присутствовать в скрытом виде и не всегда осознаваться читателем. При этом зачастую отнесение произведения к области литературной сказки обусловлено упрощенным пониманием этого жанра как рассказа со счастливым концом (в этом случае определение «авторская (литературная) сказка» может трактоваться в высшей степени широко). В данном случае можно говорить лишь о дальней «периферии» жанра, признавая, что современные читатели могут ощущать «память жанра» фольклорной

волшебной сказки далеко не в одинаковой степени и воспринимать тексты, о которых шла речь выше, как реалистические рассказы, фантастические новеллы и т.д.

Завершает четвертую главу обобщение наблюдений над «жанровой периферией» современной чешской авторской сказки. Важнейшие тенденции в данной области мы формулируем следующим образом.

1. Текст остается в границах «периферии» жанра литературной сказки в том случае, если авторы наряду с сохранением нравственного императива фольклорной сказки и игровой семантики повествовательной структуры, а также отдельных клише народной сказки используют элементы поэтики легенд, преданий, для которых также существует собственная «память жанра» – видя (подсознательно ощущая) во взаимодействии этих жанров потенциал для обновления содержания и формы современной литературной сказки. Взаимодействие элементов поэтики литературной сказки, родственных ей и также обязанных своим происхождением фольклору жанров мифологической прозы (былички, бывальщины) и фэнтези воплощает замысел авторов представить сказочную реальность как часть повседневной жизни человека, что обеспечивает возможность сопереживания героям, позволяет взглянуть на действительность в единстве повседневного и «чудесного».

2. Современная сказка подвергается все более значительному воздействию со стороны фэнтези, ставшей ныне наиболее популярной разновидностью фантастической прозы. Это влияние порой оказывается сильнее «памяти жанра» литературной сказки, хотя в «периферийных случаях» яркая и самобытная традиция чешской «антисказки» способна оказывать решающее воздействие на восприятие текста, вследствие чего можно говорить о сформировавшейся на современном этапе развития чешской авторской сказки «памяти жанра» «антисказки» наряду с существованием и функционированием фольклорно-сказочной «памяти жанра». Читателю, как правило, не известно (и не важно) «жанровое происхождение» (из фольклорной сказки или мистической фантастики прошлого) образа и сюжета – более важным оказывается их

принципиальное сходство, позволяющее взглянуть на сегодняшнюю жизнь сквозь призму фантастического. Вот почему современная фэнтези нередко «питается» сказочными мотивами и разграничить сказочные и волшебно-фантастические тексты нелегко. На наш взгляд, литературное произведение остается в границах «периферии» жанра авторской сказки лишь в том случае, если необычайное в нем продолжает восприниматься как читателем, так и героями именно как чудесное (происходит практически полное совпадение точек зрения) – а не как «естественная» и неотъемлемая часть бытия (как это постулируется фэнтези толкиеновского типа) – и если в тексте присутствует подробное объяснение, каким образом и почему человек встречается с нечистой силой. Фэнтези, в которой изображаются замкнутые на себя вымышленные миры, можно отличить от авторской сказки по отсутствию сказочного «двоемирия», сочетания реальности и «волшебной действительности»; фэнтези, в которой сверхъестественное привносится в нашу реальность, можно отличить от сказки по отношению героя к описываемым событиям: если для героя сказки чудесная действительность является естественной и единственно возможной (что сближает ее с первой разновидностью фэнтези), то герои данной разновидности фэнтези вначале не готовы принять «чуда» и лишь впоследствии определяют свою линию поведения в новой «истинной реальности».

3. Современная чешская литературная сказка может тяготеть к философской проблематике, взаимодействовать с притчей; в этом отношении писатели продолжают традиции чешской авторской сказки XX века и вместе с тем углубляют новейший потенциал жанра. В то же время сказка-притча не характерна для современной чешской литературы в той же степени, что и для литературы начала XX столетия: писатели отдают предпочтение сказке с отдельными элементами философско-притчевого характера, то есть сказочным произведениям, предназначенным для читателей различных возрастов.

4. Сочетание черт поэтики сказки и несказочного повествования заставляет читателя по-новому взглянуть на описываемые события, которые, на

первый взгляд, не могут быть связаны с понятиями чуда или волшебства, однако на глубинном смысловом уровне составляют помещенный в современные реалии традиционный сказочный сюжет (который, конечно, может быть переосмыслен, но в любом случае узнается читателем за счет системы носителей «памяти жанра»). В момент узнавания читатель не просто получает удовольствие от разгадывания загадки: ему открывается новый взгляд на произведение, которое воспринимается одновременно как сказка и «несказка».

В **Заключении** обобщаются сделанные на каждом из этапов исследования выводы, суммируются особенности развития современной авторской сказки.

Общие выводы диссертационного исследования в краткой форме сводятся к следующему. Новейший период существования чешской прозы (сказочной в том числе) принято отсчитывать от «бархатной революции», однако выявленные в работе тенденции развития чешской сказки едва ли правомерно трактовать лишь как результат изменений, произошедших в сфере художественной словесности после 1989 года. Возникновение рассмотренных в нашем исследовании жанровых модификаций сказки является закономерным результатом «естественного развития» национальной традиции жанра на протяжении XIX–XX столетий и связано с утверждением и «застыванием» канона «антисказки», сужением сферы бытования фольклоризованной сказки, влиянием фэнтези и иных типов фантастики, а также активизацией игрового начала (в том числе в рамках постмодернистской поэтики), которое было заложено в самой природе фольклорной сказки и унаследовано сказкой авторской. Содержательный и художественный потенциал сказки сегодня проявляется в том, что в различных своих модификациях она активно «возрождается» в играх, комиксах, на телевидении; наблюдается отчетливая тенденция к визуализации сказки, ее сращению с компьютерным миром.

В завершении работы подчеркивается актуальность и продуктивность дальнейших исследований проблематики и поэтики современной чешской литературной сказки и ее модификаций, особенностей ее взаимодействия с

иными жанрами и областями литературы, а также функционирования в общеевропейском литературном контексте.

В **приложении** приводятся дополнительные материалы, иллюстрирующие и подтверждающие тезисы, заявленные в главе 4: анализ авторских сказок из сборника «Миллион месяцев тому назад», созданных в 2000 году учениками 5 класса чешской школы города Границе на Мораве (Восточная Моравия), позволяющий судить о восприятии жанра молодыми читателями сегодня.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Новый труд по изучению славянской литературной сказки // Славянский альманах 2009. – М.: Индрик, 2010. С. 427–435 (0,5 п.л.). [Рец.]
2. Модификация жанра авторской волшебной сказки в современной чешской литературе // Славяноведение. 2010. № 6. С. 71–78 (0,7 п.л.).
3. К вопросу о разграничении фэнтези и литературной волшебной сказки // Вестник МГУ Филология. 2011. №1. С. 57–64 (0,6 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

4. «Реальная» Россия и «сказочная» Русь в произведениях Карела Гавличека-Боровского // Традиционная и современная Россия глазами славянских народов: материалы междунар. семинара (г. Пермь, 25–27 октября, 22–23 ноября 2007 г.) / – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. Вып. 1. С. 69–77 (0,5 п.л.).
5. Модификация жанра авторской сказки в чешской литературе рубежа XX–XXI вв. // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2008. С. 263–264 (0,1 п.л.).

6. Особенности формирования жанра авторской сказки в чешской литературе конца XIX – начала XX века // Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24–25 апреля 2008 г. В 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А.Н. Садриева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2008. С. 40–45 (0,4 п.л.).
7. Авторская (фольклористическая) сказка в чешской литературе первой половины XIX в. К проблеме поиска идентичности в культуре чешского Национального возрождения // Славянский мир в третьем тысячелетии. – М.: ИнСлав РАН, 2008. С. 238–244 (0,5 п.л.).
8. Некоторые особенности временной организации чешской литературной сказки первой половины XX в. (на примере сказочного творчества К.Чапека и Й.Лады) // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. Сб. статей. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 258–267 (0,6 п.л.).
9. Эволюция чешской литературной сказки XIX–XX вв.: от Карела Яромира Эрбена до Вацлава Эрбена // Сборник тезисов Международной молодежной межвузовской конференции: «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. (История культуры славян в оценках молодежи)» / Отв. ред. и сост. И.И. Калиганов, ред. О.А. Туфанова. – М.: ГАСК, 2010. С. 47–50 (0,2 п.л.).
10. Особенности системы персонажей современной чешской литературной сказки (на примере сказочных произведений Г. Легечковой, Я. Тойфеля и З.К. Слабого) // Текст славянской культуры. К юбилею Л.А. Софроновой. – М.: Пробел – 2000, 2011. С. 216–225 (0,6 п.л.).
11. Сюжетно-композиционная организация и мотивная структура современной чешской литературной сказки // Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. История культуры славян в оценках молодежи / Отв. ред. и сост. И.И. Калиганов. – М.: ГАСК, 2011. С. 125–142 (1 п.л.).

12. Fantastična priča Višnje Stahuljak «Čarobnjak» i umjetničke bajke Karela Čapeka: književnost za djecu ili knjige za odrasle? // Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenoga skupa Zlatni danci 12 – Život i djelo(vanje) Višnje Stahuljak. Ur. A. Pintarić. – Osijek: Sveuč. J.J. Strossmayera, 2011. S. 255–263 (0,6 п.л.).